

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 343.9.022(470)

**КОНТРЭКСТРЕМИСТСКАЯ ПОВЕСТКА В ПАРАДИГМЕ
НОРМОТВОРЧЕСТВА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА**

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрено нормативное правовое обеспечение противодействия экстремистской деятельности в республиках Северо-Кавказского федерального округа. В частности, проведен историко-правовой экскурс в новейшую историю Российской Федерации и Северо-Кавказского региона в целях выяснения причин и условий появления и распространения угроз экстремистского и террористического характера, сравнения этапов становления и синтеза перспектив дальнейшего развития регионально и федерального законодательства.

Основное внимание сосредоточено на анализе региональных нормотворческих инициатив, касающихся определения дефиниций, урегулирования механизмов координации и взаимодействия уполномоченных органов, а также установления ответственности за нарушения в этой области. Кроме этого, описана система традиций и обычаев в республиках Северо-Кавказского региона, которая также может содействовать деэскалации этноконфессиональной напряженности, неприятно деструктивного и радикального мировоззрения его населения. Также дана краткая характеристика криминологической обстановке в регионе в современных условиях, предложены авторские рекомендации по совершенствованию нормотворческой работы, правоприменительной практики и правоохранительной деятельности в этом сегменте.

Ключевые слова: деструктивные и радикальные проявления, контрэкстремистская деятельность, контрэкстремистское законодательство, политический экстремизм, противодействие экстремизму, религиозный экстремизм, Северо-Кавказский регион, угрозы региональной и национальной безопасности.

Учитывая проблемы социального, политического и экономического характера, форсированные попытками отдельных зарубежных государств, их блоков и сателлитов дестабилизировать ситуацию в постсоветской России, существовала острая необходимость разновекторного противодействия реальным и потенциальным угрозам региональной и национальной безопасности [1]. Одними из таких вызовов суверенитету и территориальной целостности государства были и остаются проявления экстремистского и террористического характера [2, с. 41–42], часто инспирируемые и финансируемые извне.

Однако в 1990-х годах Российская Федерация (далее – РФ), раздираемая борьбой за власть, ослабленная внутренними социальными противоречиями и нерешенными экономическими проблемами, при отсутствии адекватной законодательной базы и эффективной правоохранительной системы, не могла оперативно предупредить и симметрично реагировать на новые и модифицирующиеся угрозы внутренней безопасности, противоправную активность радикальных групп и деструктивных течений. В частности, в этот период в республиках Северо-Кавказского региона (да-

лее – СКР) наблюдаются вариативные проявления сепаратизма, в первую очередь благодаря внешней поддержке диверсионно-подрывной и террористической деятельности «национально-освободительных» движений, фарисейской «оппозиционности» либерально-демократических платформ, религиозно-идеологической активности новых «мессий», использующих догматы веры как социальную терапию, и др.

Полагаем, что на рубеже тысячелетий распространению экстремизма и терроризма в СКР способствовали:

– идеологическая привлекательность региона для популяризаторов и вендоров радикальных и деструктивных взглядов, обусловленная его геополитическим положением, религиозным и национальным ландшафтом;

– активизация сепаратистских движений, в том числе вследствие провоцирования таких настроений, инструментализации имеющихся конфликтов, разжигания вражды в местах компактного проживания этнических групп, национальных меньшинств и конфессиональных общностей;

– агрессивные или провокационные действия военно-политических альянсов, иностранных государств, их спецслужб, агентов влияния и частных военных компаний вблизи государственных границ РФ и на территории региона;

– значительное количество объектов потенциальных террористических посягательств, беспрецедентный рост преступности, связанной с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств;

– неконтролируемые миграционные потоки из стран-участниц вооруженных конфликтов и зон боевых действий, стран с высоким уровнем террористической активности.

Вместе с тем ввиду полиэтничности и мультикультуральности региона он активно использовался как «мягкое подбрюшье» России, в котором благодаря эскалации напряженности сформировалась кавказская дуга нестабильности.

Несомненно, в таких условиях требовалось совершенствование не только институциональный механизм координации деятельности органов безопасности и правопорядка, но и законодательное регулирование системы противодействия экстремизму как на федеральном, так и региональном уровнях. Так, несмотря на то что в актуальной редакции закон Республики Дагестан (далее – РД) «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории РД» преимущественно дублирует нормы федерального законодательства, ст. 1 Закона устанавливает запреты:

1) создания и функционирования на территории РД ваххабитских и других экстремистских организаций, деятельность которых противоречит республиканской Конституции, угрожает территориальной целостности и безопасности Республики;

2) деятельности религиозных миссий, их филиалов, духовных образовательных организаций, благотворительных и других фондов, военно-спортивных и других лагерей, отдельных миссионеров, физических лиц, проповедующих идеи экстремистского толка;

3) изготовления, хранения и распространения печатных изданий, кино-, фото-, аудио-, видеопроизведений и других материалов, содержащих идеи экстремизма и сепаратизма, противопоставления людей по национальному или конфессиональному признаку, призывы к насильственному изменению конституционного строя [3].

Статьи 2, 3 и 4 Закона касаются вопросов обеспечения религиозной (ментальной) безопасности граждан, в том числе условий их обучения в духовных образова-

тельных организациях в РД и за ее пределами, требований к лицам, преподающим религиозные дисциплины, а также порядка регистрации местных религиозных организаций. А ст. 5 лишь констатирует, что ответственность лиц, виновных в нарушении требований данного Закона, наступает в соответствии с федеральным законодательством.

Закон Карачаево-Черкесской Республики (далее – КЧР) «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории КЧР», действовавший с мая 2000 г. по май 2003 г., был более емким и содержательным [4]. В главе 1 Закона содержалось понятие религиозного и политического экстремизма, определялись правовая основа и основные принципы противодействия. Второй главой регламентировалась собственно организация противодействия данным видам экстремизма, в частности полномочия республиканских органов государственной власти – Главы, Народного Собрания и Правительства, механизмы координации, информационного обеспечения и прочего содействия органов местного самоуправления, общественности и граждан в этой области.

Последняя глава Закона называлась «Формы и методы противодействия политическому и религиозному экстремизму», однако, по нашему мнению, ее содержание не соответствовало названию. В нее входили 2 статьи: первая – определяла основные направления противодействия данным деяниям, предупреждения их детерминант во взаимодействии с институтами гражданского общества и массмедиа; вторая – устанавливала ответственность (административную) общественных и религиозных объединений, политических организаций, физических лиц за экстремистскую деятельность (от 10 до 100 минимальных размеров оплаты труда или административный арест на срок до 15 суток).

В соответствии с указанным Законом, указом Президента КЧР от 23.06.2000 № 82 при главе республики была образована постоянно действующая рабочая группа по вопросам противодействия политическому и религиозному экстремизму [5]. Группа создавалась в целях обеспечения взаимодействия и организации информационного обмена между уполномоченными федеральными и республиканскими органами государственной власти, а также их согласованного функционирования в этой области. При этом УФСБ совместно с другими правоохранительными органами было рекомендовано продолжить формирование межведомственного банка данных по противодействию политическому и религиозному экстремизму. В состав группы вошли руководители республиканских подразделений Министерства юстиции, ФСБ, налоговой полиции, а также уполномоченный по связям с религиозными организациями Правительства Республики и секретарь Совета общественной безопасности Республики. В то же время интересно отметить, что представители МВД по КЧР включены не были, хотя п. 6 Положения предполагал их участие. Считаем, что в состав данной группы целесообразно было бы включить и представителей традиционных конфессий, республиканских министерств образования и науки, по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати, омбудсмена по правам человека.

В целом поддерживаем идею создания и функционирования таких консультативно-совещательных органов при главах регионов. Целями их деятельности должны быть (в пределах компетенции): координация деятельности субъектов противодействия экстремистской деятельности; мониторинг состояния и прогнозирование

тенденций распространения экстремизма, анализ и разработка предложений по устранению причин и условий, способствующих его возникновению; обмен информацией между уполномоченными органами об угрозах экстремизма, обеспечение их необходимой ресурсной базой; обмен опытом в сфере противодействия терроризму и экстремистской деятельности, внедрение положительного опыта других регионов; расширение сфер сотрудничества с общественностью, духовенством, средствами массовой информации и гражданами.

Закон Кабардино-Балкарской Республики (далее – КБР) «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» действовал менее года (июнь 2001 г. – апрель 2002 г.). В ст. 1 закреплялись достаточно подробные и детализированные понятия «экстремистская религиозная деятельность» (запрещенная в КБР) и «религиозная миссионерская деятельность». В главе II Закона содержались статьи, предусматривающие административную ответственность за экстремистскую религиозную деятельность, в том числе за: действия, создающие угрозу общественной безопасности либо общественному порядку в результате экстремистской религиозной деятельности; действия религиозных объединений и их членов, направленные на нарушение территориальной целостности КБР; разжигание социальной, расовой, национальной или (и) религиозной розни; пропаганду неповиновения органам государственной власти и ее представителям [6].

Глава III предусматривала ответственность за различные, но, на наш взгляд, часто тождественные, правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности, включая:

- вовлечение малолетних в религиозную деятельность, склонение малолетних к исповеданию либо отказу от исповедания религии, приобщение несовершеннолетних к религии;
- воспрепятствование получению обязательного основного общего образования по религиозным мотивам, а также выходу из религиозного объединения;
- нанесение ущерба здоровью, нравственному состоянию граждан;
- незаконное занятие религиозной образовательной деятельностью;
- понуждение к религиозной деятельности, определению своего отношения к религии, приставание к гражданам с целью приобщения к религиозному вероучению, физическое или психическое понуждение верующих к отчуждению принадлежащего им или их семьям имущества в пользу религиозного объединения. Другими словами, парламентарии предусмотрели ответственность за агрессивный прозелитизм, который сегодня запрещен, например, в Республике Узбекистан и Киргизской Республике, но не в российском законодательстве;
- религиозная пропаганда, направленная на разрушение семьи и (или) разрыв родственных отношений, пропаганда религиозного вероучения, представляющего угрозу общественной безопасности, правам и законным интересам граждан, превосходства одного вероучения над другим;
- склонение к самоубийству по религиозным мотивам, к отказу от исполнения гражданских обязанностей по религиозным мотивам;
- собирание граждан по религиозному мотиву без уведомления.

Санкции за совершение данных правонарушений предполагали наложение штрафа в размере от 50 до 100 минимальных размеров оплаты труда либо прекращение деятельности религиозных объединений в установленном порядке.

Субъектами перечисленных выше правонарушений могли быть религиозные объединения, члены религиозных групп или лица, осуществляющие религиозную миссионерскую деятельность (ст. 24 Закона). Иначе говоря, в существовавшей редакции Закона к административной ответственности можно было бы привлечь только юридических и физических лиц, осуществляющих религиозную деятельность на законных основаниях. Следовательно, деятельность псевдорелигиозных организаций, тоталитарных сект, деструктивных культов и проповедниково-самоучек, в том числе действующих в виртуальном пространстве [7, с. 180], выпала из поля зрения законодателей.

В ст. 26 Закона было закреплено, что материалы, сообщения и заявления, как поводы к возбуждению дела об административных правонарушениях, подлежали рассмотрению начальником муниципальной милиции. Соответственно такое дело считалось возбужденным с момента составления начальником муниципальной милиции протокола об административном правонарушении [6]. Однако действовавшим в этот период Законом РФ «О милиции» деятельность муниципальной милиции не регулировалась, в систему органов внутренних дел она не входила. В дальнейшем дела о данных правонарушениях должны были рассматриваться мировыми судьями.

Стоит отметить, что сегодня Кодекс КБР об административных правонарушениях не предусматривает ответственность за совершение указанных выше и подобных деяний, но отдельные составы правонарушений, закрепленные в республиканском Законе [6], можно было бы использовать и в федеральном законодательстве. В то же время угрозы радикальной исламизации региона по-прежнему сохраняются. Именно поэтому вместо Исламского культурно-образовательного центра имени Анас-хаджи Пшихачева, который возводился в г. Нальчике с 2011 г. по 2015 г., по завершении строительства был открыт Дворец детского творчества «Солнечный город». Возможно, недоброжелатели скажут, что руководство КБР дует на воду, но, по нашему убеждению, эта одна из действенных мер криминологической превенции.

В Республике Ингушетия напротив решили отказаться от нормативной правовой регламентации деятельности по противодействию радикальным и деструктивным проявлениям. Органы публичной власти столицы Республики предпочли культивировать ведение законопослушного образа жизни, в первую очередь в подростковой и молодежной среде, поддерживать традиционные морально-нравственные ориентиры и семейные ценности с опорой на обычаи, традиции и общепринятые нормы этикета. Так, в июле 2019 г. в массмедиа появилась информация о выпуске и распространении в местах массового пребывания людей и образовательных учреждениях г. Магаса брошюры «Ингушский этикет (Поведение ингуша (ингушки) в общественных местах)» [8]. Указанный кодекс поведения был отпечатан на трех языках (ингушском, русском и английском) и снабжался иллюстрациями.

Эздел содержал свод адатов, начиная от внешнего вида, норм приличия и правил поведения в общественных местах и завершая отношениями с женщинами и старшими. Безусловно, памятка вызвала общественный резонанс, прежде всего за

пределами региона. Полагаем, что это связано с половозрастной дискриминацией, которой должен был придерживаться «эталонный» ингуш (например: «женщина любого возраста должна уступать мужчине любого возраста», «идущий, увидев старшего по возрасту, должен остановиться и уступить дорогу, даже если тот хоть на один день старше него» [9]).

Справедливости ради укажем, что необходимость разработки подобных правил поведения аргументировалась и в других республиках СКР, поскольку «по твоему поведению судят о тебе, твоей семье, твоём народе». Несмотря на дискуссионность ряда положений данных «кодексов» для светского общества и государства [10], допускаем, что такие своды правил, основанные на традициях и обычаях соответствующих этносов (например, Гиллакх в Чечне), могут оказать больший социальный, пролонгированный эффект в вопросах воспитания и просвещения подростков и молодежи, чем нормы регионального законодательства. Это касается и силы общественного порицания, активно применяемой главой Чеченской Республики Р. Кадыровым, с последующими публичными извинениями девиантов, широко освещаемыми в массмедиа и интернет-пространстве [11].

Наше внимание к вопросам противодействия экстремизму, главным образом религиозному, в региональном законодательстве республик СКР неслучайно. С одной стороны, это связано, как уже подчеркивалось выше, с эскалацией этноконфессиональной напряженности на Северном Кавказе в конце 1990-х – начале 2000-х годов. С другой – инициативами на местах противодействовать модифицирующимся радикальным и деструктивным проявлениям в социуме, обусловленными правовым вакуумом в федеральном масштабе (например, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» был принят только 25 июля 2002 г.), косностью и чрезмерной зарегулированностью существовавшей правоохранительной системы. Поэтому региональные нормотворческие инициативы касались как определения соответствующих дефиниций противоправных деяний, закрепления правового статуса уполномоченных субъектов, механизмов их координации и порядка взаимодействия, так и установления ответственности за нарушения законодательства в этой сфере. При этом речь не шла о стремлении периферии каким-либо образом дистанцироваться от центра. Скорее, это были попытки самостоятельно даже не нивелировать угрозы в этой области, а лишь минимизировать последствия экстремистской деятельности, обусловленные региональной спецификой.

Большинство положений рассмотренных выше нормативных правовых актов, бесспорно, дублировало или даже противоречило нормам федерального конституционного, административного уголовного, гражданского и трудового законодательства. Более того, смещение акцентов на противодействие религиозному (реже – политическому) экстремизму, тем более ваххабитской деятельности, считаем сиюминутным эффектом, поскольку в «чистом» виде ни один из модусов экстремизма не существует. А любая идейная (идеологическая) подоплека в экстремистской или террористической деятельности – всего лишь ширма для манипуляций лидеров таких организаций. Но в условиях правовой неопределенности, перманентных попыток разграничения полномочий между РФ и ее субъектами это была вынужденная, исключительная мера нормативного правового характера, необходимая оборона от существующих угроз ментальной безопасности граждан и общества, криминологической безопасности не только региона, но и государства в целом. Сегодня нормот-

ворчество республик СКР в этой области ограничивается разработкой соответствующих проектов федеральных законов в порядке законодательных инициатив (см., например, законопроекты от 12.01.2015 № 693908-6, 01.12.2015 № 942687-6 и др.).

Вполне очевидно, что в XXI в. РФ достигла значительного прогресса по созданию системной законодательной и эффективной институциональной инфраструктуры, необходимой для противодействия экстремизму [12, с. 141]. Впрочем, говорить об окончательной победе правоохранителей пока не приходится: деятельность большинства экстремистских организаций координируется в киберпространстве, их боевые группы и ячейки глубоко законспирированы, законсервированы или переведены в «спящий» режим. Кроме того, не единичны случаи саморадикализации молодежного сегмента общества. Поэтому для более ощутимых результатов контрэкстремистской деятельности, прежде всего ее превентивной составляющей, необходимы поддержка и содействие всех институтов гражданского общества, средств массовой коммуникации, традиционных конфессий и граждан. По нашему мнению, несмотря на достаточную информированность и общую осведомленность большинства граждан о криминологической обстановке в государстве, уровень контрэкстремистской сознательности, бдительности, зрелости и грамотности социума недостаточно высокий вследствие ряда причин. Это:

1) отсутствие общего понимания стратегического видения, приоритетов и целей реализации государственной и региональной политики в этой области. Иногда освещение результатов работы правоохранителей в данной сфере сводится к их награждению ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом или плановым заседаниям антитеррористической комиссии, оперативного штаба и т.д. [13]. То есть информирование граждан может быть ситуативным, бессистемным и не отражать полной картины, реальных достижений;

2) разбалансированность деятельности, инертность и пассивность официальных средств массовой коммуникации. В то же время можно отметить оперативное реагирование общественности (независимые журналисты, неправительственные организации, блогеры, стримеры) на происходящие события – от разработок контрэкстремистских законопроектов, создания кибердружин до блокирования интернет-ресурсов, запретов мессенджеров и пресечения деятельности экстремистских организаций. Вместе с тем лидеры «оппозиции» и нелояльные к власти массмедиа, в том числе зарубежные, используя весь свой потенциал и имеющиеся ресурсы, часто представляют действия парламентариев и правоохранителей по нормализации обстановки как заведомо ограничивающие (ущемляющие) конституционные права и свободы граждан, попытки установления авторитарного режима [14; 15]. Без реализации соответствующего комплекса мероприятий в государственном секторе невозможно сформировать положительное общественное мнение, культивировать в социуме традиционные морально-нравственные ориентиры и поддерживать социально полезные поведенческие паттерны [16];

3) малоэффективная работа с целевой аудиторией, прежде всего подростками и молодежью. В этой связи особую актуальность приобретают контрэкстремистское просвещение, воспитание и обучение, в которых должны принимать активное участие семья и образовательные учреждения [17; 18]. Мероприятия в этом направлении должны предполагать, в том числе, дискредитацию моды на «оппозиционную» (де-факто террористическую) идеологию, которую иногда формируют и пропаган-

дируют известные актеры, артисты, спортсмены, медийные личности, блогеры и прочие инфлюенсеры.

Таким образом, стратегическими целями дальнейшего развития системы предупреждения экстремизма на федеральном и региональном уровнях видятся: отказ от паллиативного подхода к проблематике; укрепление доверия к контрэкстремистской деятельности и всесторонняя поддержка участия в ней институтов гражданского общества, массмедиа и граждан на всех уровнях, платформах и площадках; усиление авторитета и роли официальных лиц и государственных средств массовой коммуникации в вопросах информирования общественности о результатах противодействия экстремизму; культивирование в обществе чувств нетерпимости к радикальным и деструктивным проявлениям, смещение интересов подростков и молодежи с вредного и опасного на интересный и полезный контент в информационно-телекоммуникационной среде.

Список литературы

1. Костюченко, Н. И. Проблемы государственного управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Н. И. Костюченко. – Текст : непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 3 (41). – С. 140-145.
2. Пестрецов, М. А. Профилактика как важный инструмент противодействия религиозному и политическому экстремизму в Российской Федерации / М. А. Пестрецов. – Текст : непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3 (33). – С. 41–44.
3. О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан: закон Республики Дагестан от 22 сентября 1999 г. № 15 (ред. от 6 февраля 2018 г.) // Собрание законодательства Республики Дагестан. – 1999. – № 9. – Ст. 3290. – Текст : непосредственный
4. О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории Карачаево-Черкесской Республики: закон Карачаево-Черкесской Республики от 4 мая 2000 г. № 6-РЗ // День Республики. – 2000. – № 52 (15784). – Текст : непосредственный
5. О создании рабочей группы и формировании межведомственного банка данных по противодействию политическому и религиозному экстремизму: указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 23 июня 2000 г. № 82. // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – 2019. – URL: http://pravo.fso.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=137006137&page=1&rdk=2#Ю (дата обращения: 28.12.2019). – Текст : электронный.
6. О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности: закон Кабардино-Балкарской Республики от 1 июня 2001 г. № 47-РЗ // Кабардино-Балкарская правда. – 2001. – № 112. – Текст : непосредственный
7. Никитина Л. Н. Кибераддикция несовершеннолетних как угроза для общества / Л. Н. Никитина. – Текст : непосредственный // материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. «Феноменология и профилактика девиантного поведения» (г. Краснодар, 20 октября 2017 г.). – Краснодар: КрУ МВД России, 2018. – С. 179–183.
8. В столице Ингушетии выпустили кодекс этики молодежи // Российская газета : [сайт]. – 2020. – URL: <https://rg.ru/2019/07/22/reg-skfo/v-stolice-ingushetii-vypustili-kodeks-etiki-molodezhi.html> (дата обращения: 06.01.2020). – Текст : электронный.
9. Эздел для начинающих // Кавказ.Реалии : [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.kavkazr.com/a/30136224.html> (дата обращения: 05.01.2020). – Текст : электронный.
10. Миронова, О. А. Конфессиональное согласие как основа предотвращения угроз национальной безопасности / О. А. Миронова. – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 9 (100). – С. 268-270.
11. Жителю Чечни пришлось извиняться перед Кадыровым за общение с дочерью на свадьбе // URA.RU : [сайт]. – 2020. – URL: <https://ura.news/news/1052400809> (дата обращения: 08.01.2020). – Текст : электронный.
12. Саранкина, Ю. А. Обеспечение национальной безопасности и противодействие терроризму как основной вектор государственной политики России / Ю. А. Саранкина. – Текст : непосредственный

// Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы» (г. Симферополь, 29 июня 2018 г.). – Краснодар: КрУ МВД России, 2018. – С. 140-144.

13. Антитеррористическая комиссия в Республике Крым // Правительство Республики Крым : официальный портал : [сайт]. – 2019. – URL: <https://rk.gov.ru/ru/structure/618> (дата обращения: 29.12.2019). – Текст ? электронный.

14. Светличный, Е. Г. Обучение сотрудников полиции по месту службы тактическим приемам безопасного обращения с огнестрельным оружием / Е. Г. Светличный, Р. Е. Токарчук, – Текст : непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 4 (46). – С. 138-144.

15. Равнюшкин, А. В. О порядке применения сотрудниками полиции меры пресечения правонарушений в виде предъявления законных требований / А. В. Равнюшкин. – Текст : непосредственный // Крымский Академический вестник. – 2018. – № 7. – С. 119-125.

16. Смирнова, М. И. Формирование информационной культуры курсантов образовательных организаций системы МВД как условие противодействия информационному экстремизму / М. И. Смирнова. – Текст : непосредственный // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики» (Симферополь, 8 октября 2015 г.). – Краснодар: КрУ МВД России, 2015. – С. 285-287.

17. Коноплева, А. А. Урегулирование межэтнических конфликтов как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Коноплева. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7-1 (69). – С. 56–58.

18. Чудина-Шмидт, Н. В. Факторы экстремального поведения личности / Н. В. Чудина-Шмидт. – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 347-349.

Butkevich S. Counter-extremist agenda in the law-making paradigm of the North Caucasus region / S. Butkevich // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – P. 185-194.

The article deals with the regulatory legal framework for combating extremist activities in the republics of the North Caucasus Federal District. In particular, a historical and legal excursus into the recent history of the Russian Federation and the North Caucasus region is made in order to clarify the causes and conditions for the emergence and spread of extremist and terrorist threats, to compare the stages of formation and synthesis of prospects for the further development of regional and federal legislation.

The main attention is focused on the analysis of regional legislative initiatives related to specifying definitions, settling the mechanisms of coordination and interaction of authorized agencies, as well as establishing the liability for violations in this area. In addition, a system of traditions and customs in the republics of the North Caucasus region is described, which can also contribute to de-escalation of ethno-confessional tension and rejection of the destructive and radical outlook of its population. A brief description of the criminological situation in the region in modern conditions is also given. The author's recommendations for improving normative work, law enforcement practices and law enforcement in this segment are proposed.

Keywords: destructive and radical manifestations, counter-extremist activities, counter-extremist legislation, political extremism, combating extremism, religious extremism, the North Caucasus region, threats to regional and national security.

Spisok literary`

1. Kostyuchenko, N. I. Problemy` gosudarstvennogo upravleniya i obespecheniya nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / N. I. Kostyuchenko. – Текст : непосредственный`j // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 3 (41). – С. 140-145.

2. Pestreczov, M. A. Profilaktika kak vazhny`j instrument protivodejstviya religioznomu i politicheskomu e`kstreizmu v Rossijskoj Federacii / M. A. Pestreczov. – Текст : непосредственный`j // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – № 3 (33). – С. 41–44.

3. O zaprete vaxxabitskoj i inoj e`kstreimistskoj deyatel`nosti na territorii Respubliki Dagestan: zakon Respubliki Dagestan ot 22 sentyabrya 1999 g. № 15 (red. ot 6 fevralya 2018 g.) // Sobranie zakonodatel`stva Respubliki Dagestan. – 1999. – № 9. – Ст. 3290. – Текст : непосредственный`j

4. O protivodejstvii politicheskomu i religioznomu e`kstreizmu na territorii Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki: zakon Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki ot 4 maya 2000 g. № 6-RZ // Den` Respubliki. – 2000. – № 52 (15784). – Текст : непосредственный`j

5. O sozdanii rabochej gruppy` i formirovanii mezhdedomstvennogo banka dannyx po protivodejstviyu politicheskomu i religioznomu e`kstremizmu: ukaz Prezidenta Karachaevo-Cherkasskoj Respubliki ot 23 iyunya 2000 g. № 82. // Oficial`nyj` internet-portal pravovoj informacii : [sajt]. – 2019. – URL: http://pravo.fso.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=137006137&page=1&rdk=2#10 (data obrashheniya: 28.12.2019). – Tekst : e`lektronnyj`.
6. O zaprete e`kstremistskoj religioznoj deyatelnosti i administrativnoj otvetstvennosti za pravonarusheniya, svyazanny`e s osushhestvleniem religioznoj deyatelnosti: zakon Kabardino-Balkarskoj Respubliki ot 1 iyunya 2001 g. № 47-RZ // Kabardino-Balkarskaya pravda. – 2001. – № 112. – Tekst : neposredstvennyj`
7. Nikitina L. N. Kiberaddiksiya nesovershennoletnix kak ugroza dlya obshhestva / L. N. Nikitina. – Tekst : neposredstvennyj` // materialy` XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya» (g. Krasnodar, 20 oktyabrya 2017 g.). – Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2018. – S. 179–183.
8. V stolice Ingushetii vy`pustili kodeks e`tiki molodezhi // Rossijskaya gazeta : [sajt]. – 2020. – URL: <https://rg.ru/2019/07/22/reg-skfo/v-stolice-ingushetii-vypustili-kodeks-etiki-molodezhi.html> (data obrashheniya: 06.01.2020). – Tekst : e`lektronnyj`.
9. E`zdel dlya nachinayushhix // Kavkaz.Realii : [sajt]. – 2020. – URL: <https://www.kavkazr.com/a/30136224.html> (data obrashheniya: 05.01.2020). – Tekst : e`lektronnyj`.
10. Mironova, O. A. Konfessional`noe soglasie kak osnova predotvrashheniya ugroz nacional`noj bezopasnosti / O. A. Mironova. – Tekst : neposredstvennyj` // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2016. – № 9 (100). – S. 268-270.
11. Zhitelyu Chechni prishlos` izvinyat`sya pered Kady`rovy`m za obshhenie s docher`yu na svad`be // URA.RU : [sajt]. – 2020. – URL: <https://ura.news/news/1052400809> (data obrashheniya: 08.01.2020). – Tekst : e`lektronnyj`.
12. Sarankina, Yu. A. Obespechenie nacional`noj bezopasnosti i protivodejstvie terrorizmu kak osnovnoj vektor gosudarstvennoj politiki Rossii / Yu. A. Sarankina. – Tekst : neposredstvennyj` // Materialy` Vseros. nauch.-prakt. konf. «Obespechenie obshhestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy` i perspektivy`» (g. Simferopol`, 29 iyunya 2018 g.). – Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2018. – S. 140-144.
13. Antiterroristicheskaya komissiya v Respublike Kry`m // Pravitel`stvo Respubliki Kry`m : oficial`nyj` portal : [sajt]. – 2019. – URL: <https://rk.gov.ru/ru/structure/618> (data obrashheniya: 29.12.2019). – Tekst : e`lektronnyj`.
14. Svetlichnyj`, E. G. Obuchenie sotrudnikov policii po mestu sluzhby` takticheskim priemam bezopasnogo obrashheniya s ognestrel`ny`m oruzhiem / E. G. Svetlichnyj`, R. E. Tokarchuk. – Tekst : neposredstvennyj` // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 4 (46). – S. 138-144.
15. Ravnyushkin, A. V. O poryadke primeneniya sotrudnikami policii mery` presecheniya pravonarushenij v vide pred`yavleniya zakonny`x trebovanij / A. V. Ravnyushkin. – Tekst : neposredstvennyj` // Kry`mskij Akademicheskij vestnik. – 2018. – № 7. – S. 119-125.
16. Smirnova, M. I. Formirovanie informacionnoj kul`tury` kursantov obrazovatel`ny`x organizacij sistemy` MVD kak uslovie protivodejstviya informacionnomu e`kstremizmu / M. I. Smirnova. – Tekst : neposredstvennyj` // Materialy` Vseros. nauch.-prakt. konf. «Protivodejstvie e`kstremizmu i terrorizmu v Kry`mskom federal`nom okruge: problemy` teorii i praktiki» (Simferopol`, 8 oktyabrya 2015 g.). – Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2015. – S. 285-287.
17. Konopleva, A. A. Uregulirovanie mezhe`tnicheskix konfliktov kak faktor obespecheniya nacional`noj bezopasnosti / A. A. Konopleva. – Tekst : neposredstvennyj` // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki. – 2016. – № 7-1 (69). – S. 56–58.
18. Chudina-Shmidt, N. V. Faktory` e`kstremaal`nogo povedeniya lichnosti / N. V. Chudina-Shmidt. – Tekst : neposredstvennyj` // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2016. – № 7 (98). – S. 347-349.